

С. Ю. ВИТТЕ И ПЕРЕГОВОРЫ О ТОРГОВОМ ДОГОВОРЕ СО ШВЕЦИЕЙ И НОРВЕГИЕЙ В 1895—1900 гг.

В последнем десятилетии XIX в. внешняя экономическая политика российского царизма была отмечена и значительной ее активизацией, и рядом новых явлений. И то, и другое было связано с экономической доктриной С. Ю. Витте, министра финансов в 1892—1903 гг., безраздельно руководившего всеми предприятиями правительства в хозяйственной сфере. Проводя политику буржуазной индустриализации страны и широко привлекая для этого в Россию иностранный капитал, Витте одновременно искал впрок рынки для русской промышленности. Преимущественным направлением внешнеэкономических предприятий Витте были колониальные страны Востока. Но, помимо того, он с первых же лет своего пребывания у власти стремился всемерно расширить русскую внешнюю торговлю с самыми различными странами, создать для нее правовую базу. В течение 1893—1896 гг. были заключены торговые договоры с Францией, Германией, Австро-Венгрией, Испанией, Данией, Японией и Португалией. В 1897 г. такого же типа договор Витте предполагал заключить с Бразилией. В 1895 г. в окружении министра финансов возник вопрос о заключении нового торгового договора и со Швецией—Норвегией.

Незадолго до того, в 1894 г., Витте совершил поездку на Север, в связи с которой стал проявлять интерес к его освоению и развитию.¹ Цель поездки состояла в том, чтобы по поручению Александра III выбрать на Мурманском побережье незамерзающий порт, который мог бы стать главной военно-морской базой России. Вопреки военному и морскому министрам, стоявшим за то, чтобы придать такую роль Либаве, Витте в представленном царю докладе высказался за организацию главной морской базы на Мурмане, предлагая провести туда железную дорогу. Он исхо-

¹ Описание поездки см.: Русский странник — Евгений Львов. По студенческому морю. СПб., 1895.

дил из того, что в будущей европейской войне противником России будет Германия, а союзником — Англия. В этом случае Либава оказалась бы бесполезной, а база на Мурмане была бы необходима для поддержания связи с Англией. Но Александр вскоре умер, а при Николае роль главной базы была отведена Либаве.²

Интерес Витте к развитию русского Севера, однако, не погас, и вопрос о новом торговом договоре со Швецией и Норвегией был с этим тесно связан. Возвращаясь из своего путешествия, Витте посетил обе эти страны, и, несомненно, укрепился в своей решимости расширить экономические связи России с ними. Новый договор предполагалось заключить взамен торгового трактата, существовавшего с 1838 г. Трактат этот, как известно, регулировал торговые отношения России с сопредельными Скандинавскими странами после двух крупнейших международных переворотов в этом районе мира — перехода Финляндии из-под власти Швеции под власть России в 1809 г. и перехода Норвегии из-под власти датской королевской династии к унии со Швецией. Трактат 1838 г. был основан на взаимности уступок, а не на принципе наибольшего благоприятствования. Предусматривавшиеся им взаимные права с течением времени потеряли свое значение вследствие изменившихся условий мореплавания, развития мореходного права и других причин.

В порядке подготовки к пересмотру договора были запрошены русские консулы в Швеции и Норвегии. Мнения их не совпали, причем противоположные взгляды оказались у русских консулов в одной и той же части государства — Норвегии. Консул в Вардэ и Гаммерфесте В. А. Березников считал трактат совершенно устаревшим и не оказывавшим никакого влияния на русскую торговлю с Норвегией. При выработке нового трактата, считал он, Норвегия будет добиваться облегчений в сбыте в России норвежской сельди, не имея при том возможности предложить России какие-либо встречные таможенные льготы, так как ввозные пошлины на хлеб, главный предмет русского ввоза в страну, и без того невысоки. Он предлагал, чтобы новым торговым договором в обмен на возможные уступки России Норвегии было предусмотрено расширение прав, предоставляемых в Норвегии русским поморам, торгующим с норвежским побережьем.³

² Своему докладу Витте придавал впоследствии несколько даже превеличенное значение. В мемуарах он использовал его как одно из средств апологии своей дальневосточной политики. Если бы его послушались, уверял он, то, удовлетворившись незамерзающей базой на Мурмане, не стали бы захватывать Порт-Артур. После же начала мировой войны и потери Либавы Витте представлял этот доклад как доказательство того, что он сумел за 10 лет до войны предугадать ее характер (см.: С. Ю. Витте. Воспоминания. М., 1960, т. 1, гл. 17, а также комментарий 91 к ней).

³ Письмо русского консула в Вардэ и Гаммерфесте В. А. Березникова директору Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевскому, 17 (29) июня 1895 г.: ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 12—19.

Консул же в Христиании А. А. Теттерман, также считавший, что трактат 1838 г. существенного влияния на русскую торговлю с Норвегией не оказывает ни в положительном, ни в отрицательном смысле, не видел возможности увеличить русский ввоз с помощью договорных изменений. Возможность увеличения русского ввоза он видел в русской ржи, цена которой зависела от строительства в России железных дорог к экспортным портам. Происшедшее увеличение ввоза хлеба он приписывал также постройке железнодорожных путей в России и усовершенствованиям в мукомольном деле в Норвегии.⁴ Впрочем, как видно из отчета консула Березникова, в 1894 г., удачном для русской торговли в Норвегии, из беломорских портов России в северные норвежские порты везли рожь, уже молотую. Среди грузов, доставленных 560 русскими судами, посетившими эти порты, ржаная мука занимала самое значительное место (на 254 тыс. руб. из 508 тыс.). В Россию из Норвегии ввозилась преимущественно соленая рыба (на 518 тыс. руб. из 789 тыс.).⁵ Через год, в июле 1896 г., когда стортинг произвел временное повышение ввозных пошлин на шпеницу, сахар, керосин и парафин, последовало указание Витте Департаменту торговли и мануфактур: «Однако и нам необходимо принять соответствующие меры. Прошу доложить».⁶

Результатом этого было представление, сделанное 22 мая 1897 г. министру финансов В. И. Ковалевским, в котором предлагалось открыть переговоры о заключении торговых соглашений на принципах наибольшего благоприятствования со Швецией и Норвегией в отдельности в связи с усиливавшимися в Норвегии тенденциями к политической независимости от Швеции. Другой причиной необходимости заключения двух соглашений была таможенная самостоятельность Швеции и Норвегии, причем Швеция по мере развития своей добывающей промышленности тяготела к таможенному покровительству, Норвегия же с ее преимущественным развитием земледелия и рыболовства — к фритредерству.

В. И. Ковалевский исходил из того, что оба торговых соглашения нужны для поддержания вывозной торговли Беломорского побережья. Роста ее он ждал с «оживлением» русского Севера и не хотел пропускать подходящего для заключения соглашений момента. Господство фритредеров в Норвегии может оказаться непродолжительным, подчеркивал он. С другой стороны, шведские протекционисты были близки к фабрично-заводским кругам и, следовательно, стояли за понижение пошлин на хлеб, что для России и было как раз наиболее важно. Кроме того, состоявшаяся в 1897 г. в Стокгольме выставка способствовала развитию шведско-русских связей. Поэтому, считал Ковалевский, не только

⁴ Записка консула в Христиании А. А. Теттермана, август 1895 г.: там же, л. 94.

⁵ Там же, лл. 103—115.

⁶ Там же, л. 206.

в Норвегии, но «и в Швеции почву для договора можно считать достаточно подготовленной». Ковалевский выступал против точки зрения генерального консула в Стокгольме Кудрявцева, предлагавшего обождать улучшения во взаимных шведско-норвежских отношениях. Против Кудрявцева выступил и генеральный комиссар русского отдела Стокгольмской выставки чиновник витевского ведомства И. М. Миллер (см. Приложения, № 1).

Витте, прочитав представление Ковалевского, проявил свою обычную решительность. «С этими соображениями согласен, — писал он. — Как же теперь повести дело. Думаю, что лучше всего предупредить об отказе от договора — тогда дело пойдет скорее».⁷ Не прошло и месяца, как министр финансов стал опять сердито торопить своих подчиненных. «Обратите внимание. Вопрос о торговом договоре с Швецией так и замер. Когда Вы его разрабатываете?», — писал он на денеше посланника в Стокгольме И. А. Зиповьева 12 (24) июня 1897 г. о шведско-норвежских таможенных отношениях.⁸ Ковалевскому пришлось охладить пыл своего патрона, деликатно отклонив его предложение о немедленном разрыве старого трактата как вернейшем средстве ускорить заключение новых соглашений (Приложения, № 2).

29 сентября 1897 г. всеподданнейший доклад Витте о переговорах со Швецией и Норвегией по поводу заключения с ними торговых соглашений был одобрен царем.⁹ Однако как ни торопился Витте, Министерство иностранных дел поддерживало точку зрения своих представителей в Стокгольме и Христиании, согласно которой до таможенного урегулирования между Швецией и Норвегией переговоры с ними невозможны.¹⁰ Витте же настаивал на спешке «ввиду обнаруживающегося в Норвегии стремления усилить путем возвышения ставок таможенного тарифа покровительство местной промышленности». Повышение ставок, писал Витте, «могло бы лишить нас некоторых существенных преимуществ, которыми договор дал бы нам возможность воспользоваться».¹¹ Как аргумент в пользу заключения соглашения со Швецией Витте использовал, по всей вероятности, заказанное им самим письмо к нему по этому вопросу министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова (Приложения, № 3). Оказав на Министерство иностранных дел нажим — вещь в его практике весьма обычная, — Витте добился того, что Муравьев предписал русскому посланнику в Стокгольме Е. К. Бюцову сде-

⁷ Представление В. И. Ковалевского 22 мая 1897 г. с резолюцией С. Ю. Витте: там же, лл. 295—302.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, л. 42.

⁹ Там же, л. 304.

¹⁰ Письмо министра иностранных дел М. Н. Муравьева С. Ю. Витте, 3 ноября 1897 г.: там же, лл. 317—318.

¹¹ Письмо С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву, 11 ноября 1897 г.: там же, лл. 318—320.

лать шведско-норвежскому правительству официальное предложение.

Ответ шведско-норвежского министра иностранных дел Дугласа, в принципе положительный, но неопределенный в смысле сроков (Приложения, № 4), Витте, разумеется, не удовлетворил. Предчувствуя его гнев, В. Н. Коковцов, который был в это время товарищем министра финансов, писал: «Мне кажется, что политическая острота взаимных отношений Швеции и Норвегии принадлежит к числу явлений, кратковременных и зависящих от предстоящих выборов. Я полагал бы доложить г. министру это дело в том смысле, что, не принимая резона, нам следовало бы спросить М[инистерств]о ин[остранных] дел, на какой срок полагает Швеция приостановить начатие переговоров». Однако смягчить Витте не удалось, и вновь последовала его сердитая резолюция: «Я думаю, что так мы никогда не избавимся от договора. Не следует ли его денонсировать?»¹²

Между тем настойчивость Витте была пока опять преждевременной: Дуглас соглашался на переговоры, прося русскую сторону не настаивать на отдельных соглашениях со Швецией и Норвегией и согласиться на совершение единого акта (Приложения, № 5). Витте сейчас же ответил утвердительно, предлагая не откладывать переговоров.¹³ С шведско-норвежской стороны была проявлена готовность к открытию переговоров (Приложения, № 6), тем большая, что Витте согласился на ведение переговоров в Стокгольме, чему Дуглас придавал особое значение (Приложения, № 7).

В результате 10 (22) марта 1898 г. шведско-норвежский посланник в Петербурге обратился к Муравьеву с официальным письмом о том, что его правительство ждет с русской стороны запросов и предложений, которые могли бы «служить базой для переговоров».¹⁴ В качестве такой базы Министерство финансов предлагало взаимное предоставление прав наиболее благоприятствуемой нации. Оно считало желательным некоторое понижение как в Швеции, так и в Норвегии таможенных пошлин на хлеб и муку, подтверждение беспошлинного ввоза леса, керосина, льна и т. п.¹⁵

Известие о пересмотре торгового договора, получившее широкое распространение в Норвегии, вызвало там большой интерес и повлекло за собой со стороны торгово-промышленных кругов выдвижение различных требований к новому договору, даже во внутривнутриполитической борьбе в Норвегии вокруг отношений со Швецией вопрос о торговом договоре с Россией занял определенное место (Приложения, № 8).

¹² Там же, л. 324.

¹³ Письмо С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву, 21 января 1898 г.: там же, лл. 323—333.

¹⁴ Там же, л. 348.

¹⁵ Письмо С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву, 19 марта 1898 г.: там же, л. 359.

Из выдвинутых норвежскими предпринимательскими организациями требований — значительного понижения Россией пошлин на норвежские рыбные продукты, беспоплиного или льготного пропуска их через Беломорские порты, предоставления норвежским зверопромышленникам, а может быть, и рыболовам, права промысла в русских территориальных водах — консул Березников считал неприемлемым беспоплиный пропуск через Беломорские порты, так как это, по его мнению, было бы роковым для русской поморской торговли в Северной Норвегии.¹⁶

Дело не ладилось, однако, вовсе не по этой причине. «Соображения внутренней политики», по словам шведско-норвежского посланника в Петербурге, вновь заставили его правительство отложить переговоры, на сей раз до апреля будущего, 1899 г.¹⁷ Витте пришлось удовлетвориться сообщением Ламздорфа, что переговоры отложены, хотя у него уже было заготовлено письмо Ламздорфу, в котором он «признавал бы весьма желательным устранение замедлений в этом деле».¹⁸

Незадолго до назначенного шведско-норвежским правительством на апрель 1899 г. срока открытия переговоров министр иностранных дел граф Дуглас заявил русскому посланнику Е. К. Бюову, что противоречия между шведским и норвежским правительствами по вопросу о форме акта — в виде двух договоров или одного — делают невозможным его совершение. Помимо невозможности для Швеции уступить Норвегии в ее требованиях, Дуглас сослался на засилье протекционистов, в том числе землевладельцев, в законодательных палатах, которое делало невозможным понижение таможенных ставок на русский хлеб. При этом он подчеркивал, что при существовании в Швеции общего для всех торгующих с ней стран тарифа уступки, которые были бы сделаны России, мало что ей дали бы, так как они распространялись бы и на других торговых партнеров Швеции. В будущем все это может измениться, заявлял Дуглас, и тогда шведское правительство будет готово заключить договор. Пока же для развития торговых отношений между Россией и Швецией он предлагал содействие предполагавшемуся открытию пароходного сообщения между Стокгольмом и одним из прибалтийских портов России, а также обмен декларациями о предоставлении обеими сторонами друг другу прав наиболее благоприятствуемой нации.¹⁹

В последнем не было, однако, юридической необходимости, так как принцип наибольшего благоприятствования и без того приме-

---

¹⁶ Донесение В. Березникова, 4 (16) сентября 1898 г.: там же, лл. 410—413.

¹⁷ Письмо В. Н. Ламздорфа С. Ю. Витте, 7 ноября 1898 г.: там же, л. 455.

¹⁸ Там же, л. 454.

¹⁹ Донесение посланника в Стокгольме Бюова министру иностранных дел М. Н. Муравьеву, 17 февраля (1 марта) 1899 г.: там же, лл. 468—469.

нялся на практике. Дуглас и сам согласился с тем, что можно дожидаться заключения торгового договора и без предложенных им деклараций.²⁰ Витте же вынужден был «удовлетвориться заявлением шведско-норвежского правительства», истолковав его как обещание заключить договор, «как только политические обстоятельства представят к тому возможность».²¹

Несмотря на все аргументы Дугласа, Бюцов, ведя с ним переговоры, считал, что главная причина его позиции состоит в его собственном прохладном отношении к делу. Поэтому русский посланник в январе 1900 г. воспользовался первой же беседой с приемником Дугласа Лагерхеймом, чтобы снова поднять вопрос о договоре. Лагерхейм живо откликнулся, заявив, что он не видит препятствий к заключению двух договоров и готов открыть переговоры.²²

Витте и его ведомство встретили сообщение из Стокгольма с большим энтузиазмом. Витте решил назначить представителем Министерства финансов на переговорах В. И. Тимирязева, своего ближайшего сотрудника по части торговой политики и торговых договоров.²³ В апреле Лагерхейм обещал Бюцову открыть переговоры в июне, причем заявил даже, что норвежские министры не настаивают теперь на отдельных договорах.²⁴ Но, когда наступил июнь и Бюцов поднял этот вопрос, Лагерхейм в сущности повторил все то, что говорил Дуглас в обоснование своего отказа от заключения договора. Как и Дуглас, он упомянул о «едва ли устранимых препятствиях» к снижению хлебных пошлин как в Швеции, так и в Норвегии. В еще большей мере, чем Дуглас, Лагерхейм проявил интерес ко всем прочим, помимо торгового договора, средствам расширения русско-шведских торговых связей. Он вновь поднял вопрос об организации прямых рейсов из русских балтийских портов в Швецию, которой была занята группа стокгольмских капиталистов при поддержке шведского правительства. Эти рейсы должны были, по расчетам шведов, удешевить ввозимый в Швецию русский хлеб, так как до того наибольшая часть хлебных грузов шла из России в Швецию через черноморские порты.²⁵

Но вопрос о договоре опять отпал. Упорные попытки Витте добиться его заключения оказались безуспешными. Лишь в августе 1906 г. было заключено соглашение со Швецией на основе взаимного предоставления права наибольшего благоприятствования.

²⁰ Письмо посланника в Стокгольме Бюцова министру иностранных дел М. Н. Муравьеву, 17 (29) марта 1899 г.: там же, л. 470.

²¹ Письмо С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву, 12 апреля 1899 г.: там же, л. 467.

²² Письмо посланника в Стокгольме Бюцова в министерство иностранных дел, 12 (24) января 1900 г.: там же, лл. 488—489.

²³ Письмо С. Ю. Витте М. Н. Муравьеву, 24 января 1900 г.: там же, лл. 491—492.

²⁴ Письмо Бюцова в МИД, 15 (28) апреля 1900 г.: там же, лл. 495—496.

²⁵ Письмо Бюцова в МИД, 2 (15) июля 1900 г.: там же, лл. 557—558.

Русско-норвежские же торговые отношения продолжали после отделения Норвегии от Швеции регулироваться договором 1838 г. Дважды создававшиеся при Министерстве торговли и промышленности междуправительственные совещания, первое — под председательством Н. П. Лаптева (1908 г.), второе — под председательством П. Л. Барка (1912 г.), тщательно изучали проблемы торговли с Норвегией, однако рекомендации о заключении нового соглашения так и не было вынесено. По-видимому, одной из причин этого служило вытеснение русского хлебного ввоза в Норвегию германским: в Министерстве торговли и промышленности боялись, что предоставление Норвегией льгот по хлебному ввозу России — а они неизбежно должны были распространиться на всех торговых партнеров Норвегии — в конечном итоге пошло бы на пользу Германии.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

№ 1

Записка генерального комиссара русского отдела Стокгольмской выставки И. М. Миллера

16 августа 1897 г.

Генеральный консул в Стокгольме высказывает мнение о несвоевременности в настоящее время открыть переговоры о торговом трактате со Швецией и Норвегией ввиду того, что отношения между этими странами недостаточны выяснены. С этим мнением ни в коем случае согласиться не могу. Оно правильно лишь для данной минуты; действительно, ныне идут выборы в стортинг, которые могут иметь весьма важное значение для Соединенного Королевства, и необходимо обождать их результатов, которыми более или менее ясно определятся отношения между обоими королевствами. Но это вопрос лишь нескольких месяцев, и далее, хотя бы отношения между Швецией и Норвегией ухудшились, откладывать с переговорами нельзя. Королевства давно уже в скрытой вражде, а это не помешало другим государствам заключить торговые договоры.

Наши интересы требуют скорейшего заключения договора. Существующий трактат 1838 г. утратил всякое значение, так что теперь, собственно говоря, со Швецией вовсе нет договора, с Норвегией остается в силе одна только статья, которая притом может быть отменена распоряжением норвежской администрации. Между тем наш север начинает оживляться. Телеграф на Мурмане, железнодорожные линии Москва—Архангельск и Пермь—Котлас несомненно видоизменяют морской промысел поморов и разовьют морскую торговлю нашего северного побережья. Сюда

потянется хлеб, лесные товары; все распирающаяся фабрично-заводская промышленность, которая скоро будет принуждена искать внешние рынки сбыта, может дать ценные грузы. Если поддержать это экспортное движение обеспечением для возможно большей части таких товаров иноземных рынков, конечно прежде всего ближайших, то этим может быть вызван к жизни торговый флот, кадры которого имеются на севере в виде поморского флота. Нужно еще иметь в виду, что наша мануфактурная промышленность уже обратила внимание на север; с изменением таможенно-тарифного положения стали завязываться сношения с Финляндией, а от нее один только шаг до Швеции, если и там торговые отношения будут урегулированы в благоприятном для нас смысле. Все это заставляет не медлить, особенно если принять в соображение, что международные договоры совершаются не быстро.

Но есть обстоятельства, обязывающие спешить с договором. В Норвегии почва для договора в данный момент чрезвычайно благоприятна. Там теперь господствует фритредерская партия, а центр тяжести в торговых вопросах лежит в рыбе, причем Норвегия нуждается в России для сбыта в нее своих рыбных товаров, так как по настоящим условиям Россия является единственною страной, куда Норвегия может помещать свои избытки. Нельзя поручиться, что такое положение долговечно; политические воззрения изменчивы, и не будет удивительно, если вскоре восторжествует партия протекционистов. К тому есть и основания. Норвегия до сих пор живет рыбой, лесом, охотой и мореплаванием. Золотой дождь, который все усиливающеюся струею падает на Норвегию от туристов, легко может вызвать к жизни обрабатывающуюся промышленность, так как к тому имеются здесь едва ли не лучшие чем где-либо условия, в виде бесчисленных водопадов и приморского положения. Практическое разрешение вопроса передачи силы на расстояние произведет в Норвегии экономический переворот, который прежде всего отразится изменением взгляда на систему экономической политики. В свою очередь развитие фабрично-заводской промышленности отодвинет на второй план рыбу — товар, благодаря которому Норвегия нуждается в России, что сильно уменьшит наши шансы. К этому нужно еще добавить, что норвежский стортинг рассматривает ныне проект двойного таможенного тарифа, по коему, хотя максимальные ставки и немного повышаются против действующих (минимальные по многим статьям представляют уменьшение), но их предположено применить к России, как к государству, не пользующемуся правом благоприятства. Таким образом, Норвегия как бы вынуждает нас к заключению договора.

Что касается до Швеции, то господствующее здесь резко выраженное протекционное направление является, конечно, весьма неблагоприятным; но надо знать, что в Швеции существует сильная партия, которая во имя протекционных идей, но выраженных

в отношении только фабрично-заводской промышленности и, следовательно, антиаграрных, требует понижения пошлин на хлебные товары, наиболее важные для нас. Этим течением и следует воспользоваться. Кроме того, могу заметить, что выставка внесла чрезвычайное оживление в сношениях России и Швеции. Русские фабриканты, благодаря выставке, взялись за изучение условий снабжения, очень многие из них побывали в Швеции; шведы с своей стороны ознакомились с русскими товарами, убедились в превосходстве их и в выгодности ввоза. Многочисленные награды, полученные экспонентами, дают возможность организовать широкую рекламу. Таким образом, почва подготовлена, необходимо только облегчением условий сбыта по договору направить дело.

ЗаклЮчить ли один договор с Швецией и Норвегией, или два с каждым из этих государств? По существу всегда будет два договора в силу различия экономического и таможенного тарифного положения обоих королевств. Будет ли один, или два акта — это вопрос скорее политический и дипломатический, чем торговый.

Обращаюсь затем к существу договора. В отношении Норвегии центром его являются льготы, с одной стороны, нашим поморам, а с другой — норвежской рыбе (по складке ее). Необходимо добиться расширения прав поморов в указываемых консулами в Христиании и Гаммерфесте пределах и затем обязательства не повышать пошлины на хлеба (в том числе солод и мука), масличные семена и растительные масла, нефтяные продукты, яйца, хмель, лен, пеньку и изделия из них, равно как и хлопчатобумажные. С своей стороны мы можем возобновить льготы по складке норвежских сельдей и даже расширить их, так как, по моему мнению, это не может иметь опасности для русского рыбного промысла, огражденного высокими пошлинами. Норвежская сельдь притом, кроме астраханской сельди, вскоре встретит еще конкурента, в виде мурманской сельди, которая в громадных количествах приплывает в заливы Мурманского берега, но пока не эксплуатируется, телеграф же и железная дорога несомненно разовьют сельдяной промысел. Мне кажется, что вопрос о рыбе столь важен для Норвегии, что она удовлетворится этою компенсациею; дальнейшие же ее домогательства подлежат обсуждению по их предъявлению.

В Швеции прежде всего нужно требовать понижения пошлины на хлеба и главное большего соответствия обложения зерна и муки. В настоящее время тариф на муку, в видах ограждения туземной мукомольной промышленности, несоразмерно высок, почти запретителен. Между тем шведская мука не хороша, и жалобы на качество хлеба постоянны. Вот почему наш хлеб (мы пекли в течение 4 месяцев хлеб на выставке) разбирался нарасхват, а все фирмы (20), экспонировавшие муку, получили награды. На муку уже имеются заказы, между прочим со стороны мукомолов для сдобривания. То же самое относится и до солода.

Пошлина на хмель — закрепление; хмель может найти верный сбыт в Швеции. Пошлина на масличные семена, выжимки, отруби, яйца — закрепление, то же на лен и пеньку. Все эти товары пропускаются теперь беспошлинно. То же на растительные масла, нефтяные продукты и хлопчатобумажные изделия — пошлина невелика. Пошлина на изделия из каучука и пеньки — желательно понижение. Сахар не может найти сбыта ввиду сильного развития сахароварения в Швеции, огражденного очень высокою пошлиной; пошлина 33 оре за квинт при цене сахара 47 оре. Центром тяжести шведских требований, вероятно, будут машины и суда, а также железо. Едва ли встретится препятствие к удовлетворению этих требований.

Генеральный комиссар русского отдела
Стокгольмской выставки

И. Миллер.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 51—52 об. Подлинник.

№ 2

Докладная записка директора Департамента
торговли и мануфактур В. И. Ковалевского
министру финансов С. Ю. Витте

4 сентября 1897 г.

По вопросу о торговом договоре с Швециею—Норвегиею считаю долгом представить вашему превосходительству, что заявление наше теперь же об отказе от договора 1838 г. казалось бы мне преждевременным и едва ли удобным для начала переговоров, так как отказ этот, конечно, будет неприятен для шведско-норвежского правительства. Поэтому я полагал бы на первое время ограничиться только официальным предложением сказанному правительству ввиду устарелости трактата 1838 г., уже не соответствующего современным условиям торговли и мореплавания, вступить с нами в переговоры о замене этого трактата новым соглашением, — по примеру того, как это было сделано у нас с Данией. Затем, если бы по ходу переговоров оказалось, что шведское правительство склонно затягивать это дело, мы могли бы, в видах ускорения нового соглашения, денонсировать старый трактат. Но в этом едва ли может встретиться надобность, так как мы не имеем оснований предполагать, что шведское правительство заинтересовано в сохранении старого трактата, из которого практическое значение имеет одна только статья о складке сельдей.

Что касается засим оснований, на которых мог бы быть заключен новый договор, то я полагал бы, что нам следует попытаться прежде всего добиться от Швеции понижения пошлин на главней-

шие предметы нашего ввоза. Если Швеция на это не согласится или обусловит свое согласие такими требованиями, которые не будут соответствовать нашим интересам, то следовало бы, по мнению моему, не настаивая на тарифных скидках, добиваться лишь закрепления ныне действующих пошлин на хлеб, муку, семена, кость, керосин и каучуковые изделия. Наконец, если бы и в этом отношении не удалось достигнуть соглашения, — ограничиться заключением договоров только на основе взаимного наибольшего благоприятствования.

Во всяком случае, сохранение льготы по складке сельдей, которая для Швеции и Норвегии имеет существенное значение, должно быть обусловлено не только сохранением, но и расширением льгот, предоставленных в Норвегии нашим мурманским рыбакам, причем представлялось бы желательным и вообще выговорить некоторые облегчения для нашего мореплавания в шведских и норвежских водах.

На случай, если вашему превосходительству угодно будет одобрить вышеприведенные соображения, прилагается при сем проект соответствующего всеподданнейшего доклада.

В. Ковалевский.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 303—303 об. Подлинник.

№ 3

Письмо министра земледелия и государственных имуществ
А. С. Ермолова министру финансов С. Ю. Витте

4 декабря 1897 г.

Милостивый государь,
Сергей Юльевич.

При посещении летом нынешнего года выставки в Стокгольме я имел случай убедиться, что является возможным установление более оживленных, чем ныне, торговых сношений между Швецией и Россией. Целый ряд продуктов, ввозимых в настоящее время в Швецию, мог бы быть поставляем нашим отечеством, причем первое место среди таких продуктов должен занять хмель, ныне ввозимый Германиею, а засим напр[имер] русские сыры, чай, некоторые рыбные продукты (икра), макароны, привозимые из Италии и оплачиваемые, таким образом, двойною пошлиною, так как приготавлиются из русской пшеницы, и пр. Доставка последних продуктов, быть может, на первое время и не приобрело бы значительных размеров, но русский хмель, бесспорно, может иметь теперь же весьма широкий сбыт в Швецию. Попытки организовать ввоз русских продуктов делаются и со

шведской стороны, и новым примером таких попыток должно явиться учреждение специального для импорта русских продуктов общества, о котором говорится в препровождаемых при сем вашему превосходительству, по принадлежности, прошениях г. Мейерсона. Но необходимы некоторые мероприятия, облегчающие, по крайней мере на первое время, успех указываемых попыток в интересах развития нашей отпускной торговли. К числу таких мероприятий могло бы быть отнесено понижение железнодорожного тарифа к портам для товаров, направляемых в прямом заграничном сообщении в Скандинавские государства, и учреждение должности консульского коммерческого агента в Стокгольме. В частности, могло бы быть признано полезным возложение обязанности такой агентуры на г. Мейерсона, бывшего в числе других лиц, с коими я имел беседу по вопросу о ввозе русских продуктов в Швецию, и являющегося уже представителем ряда русских фирм, поставляющих пригодные для указываемого экспорта товары.

Сообщая вашему превосходительству свои общие соображения по настоящему предмету в надежде, что вы признаете необходимым подвергнуть ближайшему обсуждению вопрос о мерах содействия развитию русского экспорта в Швецию и, в частности, о понижении железнодорожного тарифа на некоторые идущие туда товары, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

А. Ермолов.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 321—322. Подлинник.

№ 4

Письмо посланника в Стокгольме Е. К. Бюцова министру иностранных дел М. Н. Муравьеву

17/29 декабря 1897 г.

Во исполнение инструкции вашего сиятельства от 5-го числа с. м. за № 11096 я заявил шведско-норвежскому министру иностранных дел о желании императорского правительства заменить торговый договор 1838 года новыми соглашениями в отдельности с каждым из союзных государств и начать переговоры с целью заключения этих соглашений.

Граф Дуглас ответил мне, что, принимая в принципе предложение наше о заключении нового торгового договора, он не в состоянии определить теперь же время, к которому приступ к переговорам будет возможен для шведско-норвежского правительства, так как важный вопрос этот требует предварительного обсуждения его, не только в Стокгольме, но и в особенности в Хри-

стиании. Граф Дуглас не скрыл от меня опасения, что при настоящих политических отношениях между союзными государствами разрешение возбужденного нами вопроса будет сопряжено с немалыми затруднениями.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 325—325 об. Копия.

№ 5

**Письмо посланника в Стокгольме Е. К. Бюцова
в министерство иностранных дел**

3/15 января 1898 г.

Конфиденциально

Шведско-норвежский министр иностранных дел, возобновив со мною речь о сделанном ему мною заявлении желания императорского правительства заменить торговый договор 1838 года новыми соглашениями, высказал мне, что предложение наше заключить отдельный договор с каждым из союзных государств ставит королевское правительство в крайнее затруднение. При существующей между ними политической розни, достигшей в настоящее время крайнего обострения, подписание отдельных актов неизбежно подорвало бы в известной степени принцип политического единства союзных правительств в международных отношениях и послужило бы поощрением преобладающим в Норвегии сепаратистским тенденциям. Особенно нежелательное в интересах неприкосновенности унии впечатление произведено было бы в Норвегии стремлением России заключить отдельные договоры с каждым из членов союза. Граф Дуглас выразил мне поэтому надежду, что императорское правительство не пожелает увеличить затруднения, с которыми королевскому правительству приходится бороться, и не будет настаивать на заключении отдельных соглашений с союзными государствами.

Я возразил министру иностранных дел указанием на то, что в последние годы были заключены некоторыми державами торговые конвенции отдельно с Швецией и Норвегиею. Граф Дуглас охарактеризовал эти факты ошибками со стороны королевского правительства, составлявшими нарушение принципа единства управления внешними сношениями союзных государств, ошибками, против которых он, граф Дуглас, восстал при вступлении своем в должность министра, вследствие чего международные соглашения Швеции и Норвегии с прошлого года более не облекались в форме отдельных актов. Министр выразил при этом мнение, что подписание единого акта не представляет практиче-

ских неудобств, допуская возможность включения в договор, отдельными статьями, постановлений относящихся специально к каждому из Соединенных королевств. Примером этого служит декларация, обмененная Россией с Шведско-Норвежским правительством в 1897 г., заключающая постановления, касающиеся отдельно того или другого из союзных правительств.

Перейдя затем к сущности договора, граф Дуглас заметил, что он воздержится высказать определенное мнение до более подробного ознакомления с пожеланиями императорского правительства, но что пока ему представляется скорее сомнительною возможность выработать соглашение на началах взаимных уступок. Препятствием к этому со стороны собственно Швеции является, насколько кажется ему, покровительственная торговая политика, которой королевское правительство должно следовать под влиянием большинства народного представительства. Граф Дуглас, выразив предположение, что мы будем искать в особенности понижения пошлин на зерновые продукты, заметил, что уступка в этом отношении едва ли будет допущена весьма влиятельною партией землевладельцев, заседающих в Риксдаге; но если бы пошлины на ввозимый из России хлеб и были уменьшены, то сомнительно, по мнению графа Дугласа, чтобы эта льгота способствовала увеличению ввоза русского хлеба, на размер которого тарифные изменения, как показывают статистические данные, не имели никакого почти влияния. Возражение мое, что Россия ищет увеличения сбыта не только сырых продуктов, но и обработанных произведений своей промышленности, вызвало со стороны графа Дугласа замечание, что шведский тариф нельзя считать высоким и что понижение его сопряжено было бы с большими затруднениями.

Министр иностранных дел не имел еще возможности уяснить себе, в каком духе отнесется норвежское правительство к предложенному нами изменению договора. Графу Дугласу известно, что оно весьма заинтересовано вопросом об увеличении сбыта рыбных продуктов Норвегии и поэтому дорожило бы понижением Россией пошлин на оные; но вопрос о равносильных уступках со стороны Норвегии, вероятно, поставит в затруднение тамошнее правительство. Ввиду как неготовности министра войти в ближайшее обсуждение этого вопроса, так и неимения у меня подробных указаний об уступках, которые желательно нам выговорить со стороны Норвегии, я воздержался от объяснений по этому предмету.

Покорнейше прося ваше сиятельство почтить меня указаниями касательно дальнейших объяснений с королевским министром иностранных дел по настоящему вопросу, имею честь, и пр.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 328—331. Копия.

**Письмо посланника в Стокгольме Е. К. Бюцова
в министерство иностранных дел**

4/16 февраля 1898 г.

Вследствие письма вашего сиятельства от 27 января с. г. за № 777, я сделал шведско-норвежскому министру иностранных дел согласное с сущностью письма статс-секретаря Витте от 21 января за № 1685 заявление по вопросу о заключении новой торговой конвенции.

Граф Дуглас, не скрывший от меня удовольствия своего по поводу готовности нашей не настаивать на заключении отдельных соглашений с каждым из Соединенных королевств, выразил согласие приступить к переговорам в возможно непродолжительном времени, определение коего будет, впрочем, возможно для него лишь по возвращении его, недели через две, из Христиании, где вопрос о пересмотре договора будет предложен им на обсуждение нового Норвежского кабинета, имеющего вступить во власть на этих днях.

Вследствие сделанного мне графом Дугласом вопроса о том, где желательно императорскому правительству вести переговоры о торговом соглашении — в С.-Петербурге или в Стокгольме, — имею честь покорнейше просить ваше сиятельство благоволить поставить меня в известность о принятом нами решении по этому предмету.

Против последней фразы письма помета С. Ю. Витте: «Петербург».

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 340—340 об. Копия.

**Письмо посланника в Стокгольме Е. К. Бюцова
министру иностранных дел М. Н. Муравьеву**

21 февраля/5 марта 1898 г.
Конфиденциально

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич,

Шведско-норвежский министр иностранных дел по возвращении на днях из Христиании сообщил мне, что он ознакомил членов нового Норвежского кабинета с предложением нашим заменить договор 1838 года новым соглашением и что он заручился согласием их на вступление в переговоры с нами по этому пред-

мету. Граф Дуглас выразил мне при этом желание получить от меня письменное заявление предложения императорского правительства, так как ему будет предстоять письменно же сообщить оное норвежскому правительству. Сославшись затем на данные мне уже объяснения причин, побуждающих королевское правительство желать заключения общего договора, а не отдельных соглашений с каждым из союзных государств, министр высказал мне просьбу о том, чтобы наше сообщение заключало предложение о «пересмотре» договора 1838 г., так как такая постановка вопроса дает королевскому правительству основание, в случае домогательств Норвежского кабинета заключить отдельные соглашения, возразить ему, что так как договор 1838 г. был подписан в виде акта общего для обоих королевств, то эта форма должна быть сохранена за соглашением, которое будет результатом пересмотра этого договора.

Впечатления, вынесенные графом Дугласом из Христиании, вероятно, заставляют его опасаться сепаратистских стремлений со стороны нового норвежского министерства, так как вопреки прежним заявлениям своим о том, что королевскому правительству безразлично, будут ли переговоры ведены в С.-Петербурге или в Стокгольме, он просил меня от имени короля, чтобы они происходили в Стокгольме. Граф Дуглас пояснил мне, что, так как в этом случае переговоры будут ведены со стороны Швеции и Норвегии общим для обоих королевств министром иностранных дел, домогательства Норвегии участвовать в оных чрез особого уполномоченного будут легко устранены; между тем, как если бы местом переговоров был избран С.-Петербург, труднее было бы устранить настояния норвежского министерства на назначение им особого уполномоченного, которому представлено было бы право приложить свою подпись к договору наряду с подписью шведско-норвежского представителя.

Покорнейше прося ваше сиятельство почтить меня указаниями касательно письменного сообщения, которое граф Дуглас желает получить, равно как и о месте предстоящих переговоров, имею честь быть с глубоким почтением и неизменной преданностью.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 343—344. Копия.

№ 8

Донесение консула в Финмаркене В. А. Березникова

8/20 мая 1898 г.

При проезде моем через Христианию я был по делам службы в Норвежском министерстве внутренних дел, ведающем также (при посредстве консульского отделения) внешнюю торговую политику страны.

В разговорах со мною норвежские чиновники неоднократно переводили речь на, по-видимому, представлявший для них жгучий интерес вопрос о пересмотре нашего торгового трактата с Норвегиею.

При этом мои собеседники в особенности старались дознаться причин, побудивших российское правительство требовать пересмотра договора и выяснить себе нашу руководящую цель.

На все эти распросы я мог, конечно, отвечать лишь незнанием, ссылаясь на то, что настоящий вопрос подлежит у нас ближайшему ведению Министерства финансов.

Но из моих бесед я твердо уяснил себе, что норвежские правительственные сферы ожидают, что вся тяжесть наших требований сосредоточится на облегчении нашей поморской торговли на севере Норвегии.

Рассуждение норвежцев следующее: у России в Норвегии два главнейших интереса — сбыт своих хлебных товаров и приобретение рыбных грузов. Что касается хлебной торговли, то пошлины на хлеб в зерне в Норвегии столь низки, что трудно их уменьшить; равным образом едва ли могут быть в значащей степени понижены таможенные ставки на иностранную муку, возвышенные лишь в прошлом 1897 году, в целях защиты отечественной мукомольной промышленности от сильнейшей немецкой конкуренции. Остается, таким образом, торговля рыбою и рыбными продуктами, в интересах коей Русское правительство, по всей вероятности, и возбудило вопрос об изменении существующего торгового договора.

Предложение России относительно пересмотра трактата не могло остаться тайною в Норвегии, так как норвежскому правительству пришлось обратиться ко всем торговым палатам (*handelsforeninger*) и торгово-промышленным союзам с просьбою сообщить свои соображения относительно тех требований, которые Норвегия могла бы предъявить при этом случае России.

Насколько я мог заметить, известие о предложении российского правительства, с одной стороны, вызвало живое удовольствие среди норвежских торговых сфер, а с другой — породило некоторое беспокойство в консервативных политических кружках страны.

Как я уже неоднократно имел честь упомянуть в моих донесениях за прошедшие годы, норвежские экспортеры давно тяготятся высотой существующей в России таможенной пошлины на иностранные рыбные товары.

Постоянно ухудшающееся экономическое положение Испании и Италии, этих главных потребителей норвежской рыбы, наряду с ростом конкурирующих английских сельдяных ловель, вызывает для Норвегии необходимость отыскания новых рынков для сбыта своих рыбных уловов.

В этих видах Норвегия обратила внимание на соседнюю Россию. Вот уже два года как норвежское правительство содержит в России специального рыболовного стипендиата, имеющего задачей изучать условия и возможность сбыта норвежской рыбы в Россию. Труды этого лица, а также частные исследования заинтересованных в вопросе норвежских купцов привели норвежских экспортеров к заключению, что северные и северо-западные окраины России были бы отличными рынками для норвежской рыбы, и в частности сельдей, если бы только взвозная пошлина на рыбные продукты была понижена.

Начатие переговоров по заключению нового торгового соглашения и дает норвежцам давно желанный повод к заявлению требования о понижении русских пошлин на рыбные товары. Эту мысль особенно определенно высказал встреченный мною в Христиании и недавно скоропостижно скончавшийся шведско-норвежский генеральный консул в Архангельске, г. Фальсен, выразившийся следующим образом: «мы давно уже мечтаем открыть сбыт нашим сельдям путем особого соглашения с Россиею, но все не решались начать переговоры, во-первых, чтоб не ссориться со шведами, которые непременно пожелают вести их за нас, а во-вторых, потому, что положение стороны, предлагающей заключить новый договор, всегда невыгодно, ибо она первая должна открыть свои карты. Но вот Россия сама благосклонно («velvilligst») выходит навстречу нашим желаниям».

Следует заметить, что свойство и пространство норвежских пожеланий не может еще быть с точностью определено, так как лишь незначительная часть запрошенных учреждений и органов успела дать свои отзывы. Так, совет союза норвежских фабрикантов древесной массы выразил пожелания о понижении русской пошлины на их фабрикаты, но выразил в то же время сомнение относительно возможности осуществления этого пожелания. Торговая палата в Тромсе высказалась в пользу расширения свободы поморской торговли в амте. Палаты финмаркенских городов еще не доставили своих ответов, но, основываясь на отношении финмаркенского купечества за последние годы к торговле поморов, следует предполагать, что их заключения будут противоположны мнению палаты в Тромсе. Можно также ожидать, что финмаркенским купечеством будет возбуждено домогательство о допущении норвежских зверобоев и рыбаков к производству промысла у берегов русского североокеанского побережья и о разрешении норвежским судам приобретать в мурманских становищах рыбу за деньги или в обмен на товары, подобно тому как это делают поморы в Северной Норвегии.

Упоминаемое мною выше беспокойство консервативных норвежских политических элементов вызывается опасением, чтобы радикальная партия не воспользовалась заключением нового торгового трактата с Россиею для нападков на общее дипломати-

ческое представительство Соединенных королевств и для новой агитации в пользу заключения Норвегиею отдельных от Швеции торговых соглашений.

В заседании Стуртинга 12 с. мая (н. ст.) радикальный депутат Линдбу внес предложение о том, чтобы при переговорах с иностранными державами о соглашениях, касающихся не одной только Норвегии, сия последняя была представляема своим особым делегатом и чтобы для Норвегии был изготовляем отдельный оригинальный экземпляр состоявшегося соглашения.

При этом Линдбу ссылался на резолюцию Стуртинга от 7 апреля 1897 года, гласящую, что сказанное собрание «... находит важным для Норвегии как в практическом и экономическом, так и в национальном отношении, чтобы ее торговые и мореходные отношения к иностранным государствам были определяемы отдельными трактатами».

Весьма вероятно, что радикальная партия воспользуется в своих целях приведенною резолюциею при обсуждении вопроса о торговом договоре с Россиею.

Иные лица усматривают в предложении Линдбу начало похода в пользу заключения отдельного от Швеции торгового соглашения с Россиею.

ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 991, лл. 366—371. Копия.